

Будь то из книг, прочитанных в прошлой жизни, или из личного опыта в этой, он никогда не осмеливался относиться к этой второй тетушке спустя рукава.

Госпожа Ван думала только о своем клане Ван, а расправлялась с кланом Цзя донельзя безжалостно — от одной мысли об этом по спине у Цзя Чжипо пробежал холодок.

Он позади тихо кашлянул.

Юаньчунь пришла в себя и попыталась утешить Цзя Му:

— Старая предводительница, не плачьте. Вашей внучке еще нужно зачитать императорский указ.

— Ох-ох, хорошо.

Цзя Му вместе со всеми домочадцами клана Цзя опустилась на коленки в главном зале Зала Жунцин.

Юаньчунь глубоко вздохнула. Пробыв во дворце несколько лет, она впервые получила поручение зачитать указ за его пределами. Если бы не возвращение в собственный дом, она бы поистине не знала, чего ожидать.

— По воле Небес император ниспосылает указ:...

Императорский указ был зачитан.

Никто в клане Цзя, включая самого Цзя Чжипо, не мог прийти в себя.

Император Лунчжэн неожиданно пожаловал Цзя Чжипо должность.

И должность не какую-нибудь рядовую.

Тысячник судебного ведомства Южного управления стражи в парче.

Цзя Чжипо прекрасно понимал, что стража в парче Великого Чжэн была учреждена еще Великим Предком. Она напоминала ту тайную стражу, которую в его прошлой жизни создал Чжу Юаньчжан, — оба ведомства ведали разведкой и надзором по всей Поднебесной.

Разница заключалась в том, что стража в парче делилась на пять управлений — Восточное, Южное, Западное, Северное и Центральное, каждое со своими обязанностями.

Восточное, Южное, Западное и Северное управления отвечали за надзор за местными чиновниками в четырех направлениях Великого Чжэн, руководили гарнизонами стражи в парче на местах и расследовали крупные и особо важные дела. В каждом управлении был назначен свой начальник.

Управления ведали самыми важными делами стражи в парче.

Командующий стражей в парче совмещал обязанности начальника управления; от их взора не мог укрыться никто ни при дворе, ни внутри самой стражи в парче.

Если говорить прямо, стража в парче не только выполняла работу тайных агентов, но и вела дела упраздненного Восточного Застенка и Великого суда.

Цзя Чжипо помнил, что Южное управление ведало Цзянанем. То было средоточие основ Великого Чжэн, и за исключением штаб-квартиры самого управления, именно оно обладало наибольшей властью.

Цзя Чжипо никак не мог взять в толк, почему император Лунчжэн вдруг пожаловал ему эту должность.

Впрочем, он понимал и то, что сейчас не время задавать вопросы. По виду Юаньчунь было ясно, что она сама ничуть не меньше его озадачена.

Он просто спросил:

— Старшая сестрица, с какой стати император отправил зачитывать указ именно тебя?

Юаньчунь посмотрела на него, и в ее взгляде читалось одобрение. Затем она перевела взгляд на госпожу Ван и Цзя Му, лица которых выглядели весьма неприглядно.

Она вздохнула и произнесла:

— Император велел передать мне слова. Принимая во внимание заслуги покойного Жунгогуна, он милостиво разрешил тебе без понижения унаследовать титул генерала первого ранга. Завтра отправляйся в Цзунжэньфу для прохождения утверждения.

Едва слова затихли, аура Юаньчунь неуловимо переменялась.

Держа себя с достоинством, она беспристрастно обратилась к Цзя Му и госпоже Ван:

— Император лично дал свое соизволение, братец Лянь сможет унаследовать титул генерала

первого ранга без понижения. Старая предводительница, матушка, вам все понятно?

Ночь уже сгустилась.

Завершив дела, Юаньчунь вернулась во дворец докладывать о выполнении воли государя.

Цзя Чжипо не стал говорить лишнего.

Он отчетливо понимал, что в Зале Жунцин ровесники ничего из себя не представляют, а решающую роль играют старшие. Помимо вечно отстраненного Цзя Чжэня, даже оставившая после себя лишь госпожу Син покойная ветвь Цзя Шэ вряд ли обрадуется тому, что он возьмет в свои руки титул особняка Жунго.

Поразмыслив как следует, Цзя Чжипо пришел к выводу, что должен быть благодарен госпоже Ван и Цзя Му.

Особенно госпоже Ван.

Не вздумай она водить за нос двор и самого императора, не стань Цзя Му задерживать подачу прошения о наследовании титула, император Лунчжэн, пожалуй, не стал бы издавать столь категоричный указ.

В эти дни похороны Цзя Шэ еще не завершились, и Цзя Чжипо, помимо поездок в Дунлайшунь, практически не покидал особняк.

Таковы были порядки Великого Чжэн: ходить по чужим домам до истечения траура считалось дурным тоном.

И все же он отыскал возможность встретиться с Чэнь Мэнлэем в Дунлайшуне.

В тот день Чэнь Мэнлэй сказал ему, что действовать нужно осмотрительно. Сын Неба уже завизировал прошение Чэнь Мэнлэя, так что вопрос с наследованием им титула генерала первого ранга был решен.

По законам Великого Чжэн, при наследовании титула в семье военных заслуг следовало сначала подать прошение в Цзунжэньфу, указав имя и происхождение наследника.

Цзунжэньфу проверял документы и докладывал императору, а тот накладывал резолюцию киноварью, после чего издавался указ.

Обычно, когда чей-то титул оставался вакантным, первым делом подавали прошение о

наследовании.

Цзунжэньфу и император неизменно давали добро.

В конце концов, титулы знатных родов были добыты кровью в годы правления Великого Предка и Святого Предка. Богатство и почет охранялись государственным уделом, и трогать их просто так не полагалось.

Разве что какой-нибудь военный род попадал в немилость к Сыну Неба, преступал закон или нарушал запреты.

Тогда император задерживал прошение, оставляя его без резолюции, или придерживал указ о наследовании.

А вот клан Цзя поступил поистине безумно — сами не подают прошений, и во всей столице не сыскалось бы второй такой семьи.

Цзя Чжипо отчетливо понимал: не будь за его спиной остатков бывшего влияния Жунго-гуна, да будь императору Лунчжэн не нужно использовать клан Цзя в своих целях, эти глупые бабы давно бы пустили титул прахом.

Вслед за Цзя Чжипо Ван Сифэн вернулась в небольшой внутренний двор, ее личико покраснелось, а следы бывшего возбуждения еще не сошли.

Цзя Чжипо невольно усмехнулся и, протянув руку, ущипнул ее за щеку:

— Ну что, скоро станешь благородной супругой, неужто так обрадовалась?

— Вторая госпожа, вторая госпожа!

Пиньэр вывела навстречу нескольких служанок, чтобы поприветствовать хозяев. В душе они прекрасно понимали: хотя их господин по рождению и являлся старшим сыном законной жены старшей ветви, а положение в особняке занимал завидное, на деле те, кто держал в руках бразды правления, глядели на них без всякой благосклонности.

И пусть второй господин считался будущим наследником титула и главой особняка Жунго, реального слова в делах имений и дворовой челяди он почти не имел.

Госпожа вела хозяйство, но слова второй госпожи из Второго дома значили куда больше.

По праву их собственные хозяева были самыми выдающимися во всей ветви Жунго, однако

должного признания они так и не добились. Пинъэр и остальные неизменно чувствовали обиду за второго господина и госпожу.

Конечно, Пинъэр делила с Цзя Чжипо одно ложе каждую ночь и знала о происходящем куда больше остальных. Но одно дело — знать, а совсем другое — выносить это в разговорах.

В последнее время, после всех тех неприятностей со старшим господином, атмосфера в особняке — особенно в их старшей ветви — стала просто невыносимой.

Цзя Чжипо целыми днями пропадал с раннего утра до поздней ночи, хлопоча о похоронах. И хотя номинально распоряжался Цзя Чжэн, все прекрасно понимали, что это лишь имя, навязанное стариком-предком.

Цзя Чжэн же был человеком, не переносящим хлопот и способным лишь на пустые разговоры, — разве мог он сделать что-то стоящее? В конце концов всю беготню пришлось взять на себя Цзя Чжипо.

Ван Сифэн тоже не сидела сложа руки. Ли Вань в последнее время все сильнее отстранялась от дел, словно ничего вокруг не замечая, и все заботы по дому валила на Ван Сифэн. Та, впрочем, не отказывалась и брала на себя абсолютно всё.

В последнее время обе женщины вечно куда-то спешили.

И сегодняшняя ситуация, когда они, пусть и поздно вечером, возвращались вместе, неспешно беседуя, выдалась на редкость редкой.

Ван Сифэн прижимала к груди сверток, в котором лежали парадные одежды тысячника судебного ведомства стражи в парче, привезенные Юаньчунь.

По государственным законам воины стражи в парче носили одежды с узором из летучих рыб и были вооружены вышитыми мечами. Чин тысячника и выше позволял носить одежды с узором кирина и парные утки-мандаринки мечи.

То, что держала в руках Ван Сифэн, и были одежды с кирином. Что же до парных мечей, то они уже находились у Цзя Чжипо.

Впрочем, помимо одежд с кирином, Цзя Чжипо полагалось еще одно парадное платье, которое ему пока не доставили.

По законам Великого Чжэн Сын Неба носил одежды с пятипалым золотым драконом, наследник престола — с четырехпалым золотым драконом, удельные князья циньван — с четырехпалым серебряным драконом, князья цзюньван — с четырехпалым питоном, герцоги — с кирином, маркизы — с летучими рыбами, графы — с черепахами-змеями (сюань), виконты —

с синим драконом (цилун), бароны — с киноварной птицей (чжуцюэ).

Что же до чинов ниже бессудных титулов, то первый ранг носил льва, второй — тигра, третий — леопарда...

Потому Цзя Чжипо, будучи генералом первого ранга, по всем правилам должен был обзавестись и одеянием первого ранга со львом.

Весть о том, что Цзя Чжипо унаследовал титул, в мгновение ока разнеслась из Зала Жунцин.

Пара болтливых служанок бегом бросились обратно во внутренний двор.

— Поздравляем господина! Поздравляем вторую госпожу!

У Цзя Чжипо было прекрасное настроение, и он уже собирался переброситься с девчонками парой шуток.

Служанки в его дворе, конечно, уступали тем, что служили у Баоюй, где любая могла сойти за персонажа из второй части списка двенадцати красавиц Цзиньлина, — в конце концов, лучших воспитанниц всегда отправляли туда.

Но сам Цзя Чжипо считал, что те девушки, что находились перед его глазами, вполне хороши собой и фигурой.

Ван Сифэн же не собиралась тратить время на пустяки.

Она взмахнула рукой:

— Все спать, завтра будут награды.

Разогнав столпившуюся у дверей ватагу служанок, она тут же втощила Цзя Чжипо в жилые покои.

Пинъэр, неся стопку одежды, последовала за ними.

— Быстрее, второй господин, наденьте, дайте мне взглянуть.

Лицо Цзя Чжипо мгновенно скисло.

Поздним вечером ему хотелось лишь раздеваться, а вовсе не облачаться в одежды.

Однако Ван Сифэн совершенно не волновало его выражении лица. Пинъэр, снедаемая любопытством, присоединилась к ней, и в два счета они сорвали с Цзя Чжипо всю одежду, облачив его в принесенные одежды с кирином.

Серебристо-синяя ткань подчеркивала точеное лицо Цзя Чжипо, придавая ему стройный и подтянутый вид.

Даже всегда сдержанная Пинъэр невольно зажглась взглядом. Что уж говорить о Ван Сифэн, глаза которой так и норовили прилипнуть к нему.

— Второй господин...

Ван Сифэн закусила губу, и голос ее звучал так мягко, что казалось, с него капает влага.

Цзя Чжипо понял, что любые слова будут излишни.

Он крепко обнял Ван Сифэн, а второй рукой притянул к себе пытающуюся ускользнуть Пинъэр.

Втроем они рухнули на кушетку.

А затем...

— Эта проклятая одежда так трудно снимается.

Ранним утром следующего дня Пинъэр вошла в комнату с тазом воды, чтобы прислуживать супругам при умывании.

Глядя на то, как Ван Сифэн, придерживая поясницу, с трудом держится на ногах, она не могла скрыть безмолвного удивления на лице.

Посторонних в комнате не было, и Цзя Чжипо никогда не требовал от Пинъэр излишней церемонности. Со временем она стала посмелее и порой могла отпустить острую шуточку в присутствии Цзя Чжипо.

Ван Сифэн усмехнулась:

— Наша малютка Пинъэр, кажется, сама завидками мается. Время еще раннее, не повторить ли второму господину свой труд?

— Тьфу!

Лицо Пинъэр залилось краской, слова этой безумной парочки лишили ее всякого дар речи.

А заметив выражение лица Цзя Чжипо, который явно был не против повторить, Пинъэр окончательно смутилась и бросилась вон из комнаты.

Цзя Чжипо раскатисто рассмеялся, позволяя Ван Сифэн, все еще борющейся со слабостью в теле, помогать ему застегивать одежды.

Про себя он молча подумал: впереди еще долгий путь, придется приложить еще немало усилий.

В северо-западном углу Императорского города Шэньцзин примостилось ничем не примечательное ведомство.

Случайные проезжие едва ли удостоили бы его хотя бы беглым взглядом.

Но среди чиновниках и столичных аристократов не нашлось бы ни единого человека, кто не испытывал бы перед этим местом суеверного страха.

Здесь помещалась стража в парче Великого Чжэн.

Еще до основания Великого Чжэн, желая собирать военные сведения, Великий Предк учредил стражу в парче.

Позже, с установлением мира, стража разрослась в пять управлений, ведавших тайными агентами по всей Поднебесной. Были созданы казенные застенки, способные арестовывать, допрашивать и выслеживать любого.

Во времена Великого Предка клан Цзя раскрыл для него одно громкое дело — герцог Чэнго Чжу Хэ вступил в сговор с министром Великого секретариата Ху Вэйюном с целью мятежа. Следствие затронуло десятка тысяч человек, и имя стражи в парче прогремело на всю империю.

Позднее, после гибели Великого Предка на поле боя и воцарения Святого Предка, стража в парче отошла на второй план. В правление Цзиннин ее власть сильно урезали, превратив ведомство в чисто информационно-надзорную структуру.

К эпохе Юнъань, когда здоровье Верховного Императора пошатнулось, стражу в парче вновь начали приближать к себе. За десять с лишним лет ее влияние восстановилось, и положение ведомства сравнялось с началом правления Цзиннин.